

АВТОР РОМАНА «ТАЙНА ПРОКЛЯТОГО ОЗЕРА»

АЛЕСЯ ЛИ

СПАСТИ
ЦАРЕВИЧА

Спасти царевича

Алеся Ли

Спасти царевича

«Автор»

2014

Ли А.

Спасти царевича / А. Ли — «Автор», 2014 — (Спасти царевича)

ISBN 978-5-532-99020-3

ПЕРВАЯ КНИГА СЕРИИ ИО чем мечтают красны девицы? О нарядах заморских да царевичах прекрасных. Но ежели девица, пусть совсем и не краса, просто девица, грезит не о танцах, а о подвигах ратных? Ведь дала младшая из княжон Луговских себе зарок: в случае беды нежданной не ждать всяких там царевичей, а самой кого-нибудь спасти. Одна беда. Жизнь ее отнюдь не сказка, даже на хиленький героический эпос не тянет. Из чудищ за околицей лишь торгоши иноземные, да и царевичей, нуждающихся в спасении, не попадалось... Но лишь до поры, до времени...

ISBN 978-5-532-99020-3

© Ли А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алеся Ли

Спасти царевича

Посвящается

Моей маме,
Людмиле Лисуковой,
первому читателю и автору подвигов царя Иннокентия.
Алине Пучковой,
чья логика и рациональное мышление
не раз указывали, где моя бурная фантазия
окончательно распрощалась со здравым смыслом.
Ольге Багаевой,
однажды и навсегда вселившей в меня
уверенность в собственных силах.

Спасибо вам огромное!

Пролог

*Упорствующим в своих стремлениях и желаниях
судьба всегда дает возможность...*

...после сожалеть об этом.

...и жили они долго и счастливо...

Какая скука!

Я с силой захлопнула книгу. Что за история такая, а?! Все как заведено: богатырь-царевич спас красу-девицу, победил чудище о семи головах и женился. Да нет, не на чудище, что стало бы хоть одним приятным поворотом сюжета.

Труд сей бесценный какого-то бумагомарателя обошелся батюшке аж в пять золотых! Уж лучше бы он мне бусы привез, честное слово.

Я еще раз взглянула на книгу.

Нет, вещь, без сомнения, стоящая – как в прямом, так и в иносказательном смысле. Весит как добрый камень. Корешок из тисненой кожи. Ежели что, ею можно и от разбойников отбиваться. Но самое занятное в ней – картинки: цветные, яркие, на весь разворот.

Я открыла книгу и в очередной раз с сомнением изучила румяного царевича со стогом сена на голове и мечом в руках, которому могли позавидовать и былинные герои. Рядом, то есть на той же картинке, краса-девица с голубыми глазами на пол-лица сползала по стеночке за могучей спиной спасителя. Выпученные глаза ее отражали то ли сильный испуг, то ли столь же сильную веру в царевича. Чудище на страницу не поместилось, но судя по грозно сдвинутым бровям царевича, было где-то тут, недалече.

Аж смотреть противно! Ну почему нельзя по-иному?! Например... Краса-девица, ладно, просто девица, спасает царевича от... да хотя бы и от чудища! Я старательно представила себе девицу с картинки, но с нормальными глазами, в руках меч, пусть и не такой внушительный как у царевича. Сам спасаемый, ну, допустим... прикованный к стене цепями могучими (чтобы чудище побеждать не мешал), смотрит на девицу, пусть и не красу, взглядом, полным обожания! Чем не сказочка?

Дала младшая из княжон Луговских, я, то есть, себе зарок: в подобной ситуации поступить надлежащим образом, не ждать у моря погоды в башне высокой, а самой спасти царевича от завидной участи! А княжне, пусть и младшей, слово свое должно держать, вот и маюсь... Со скуки! Ведь из чудищ за околицей лишь торгаши иноземные, да и царевичей, нуждающихся в спасении, пока не попадалось...

Экипаж подскочил на ухабах, и я с возгласом уронила книгу. Сестры глянули неодобрительно, маменька же продолжала на мое счастье мирно спать. Ругаясь под нос словами, которые девице в моем возрасте и знать-то не положено, я подняла труд, истинно монументальный, и с тоской уставилась в окно.

Жили мы (князь Луговской с чадами, домочадцами и челядью) в просторном имении, дарованном нашему батюшке царской милостью вместе с титулом за верность и честь, которые так и не удалось поставить под сомнение, ну и за личную выслугу на военном поприще. Жили мы недалече от стольного Софийского града, дорога до которого для шумного семейства отставного вояки занимала всего четыре часа.

Заснеженные просторы родного края...

... Успели надоесть уже за первый час пути. Оставалось только слушать вполуха болтовню сестер, обмениваться тоскливым взглядом с маменькиной заморской собачонкой и листать книгу про царевича и его подвиги, мнение о которых я составила уже через дюжину страниц.

Как же мне хотелось, чтобы что-то произошло. Ну хоть... разбойники напали (на чудище я и не надеюсь), или еще какой казус приключился...

Но нет. Время шло, а экипаж все так же бодро подпрыгивал на ухабах. Маменька спала, сестры обсуждали наряды и кавалеров, а я, наизусть зная, кто, с кем, в чем и когда мечтает отказаться наедине на балконе, в парке, в полутемной зале (нужное подчеркнуть), все больше и больше убеждалась в том, что ежели мне и суждено погибнуть во цвете лет, так только от скуки...

Глава 1

*...И молвил тогда царевич Аннушке:
«Жди меня три года, три дня и три ночи,
как только исполню волю царя-батюшки,
вернусь к тебе, сдержу слово данное:
приведу тебя в палаты белокаменные
И будем жить-поживать...»
В общем, теплом оказался царевич,
«сгинул в пучине морской, не вернулся».
Потому как сказитель
о заморском понятии «хеппи-энд»
понятия не имел ни малейшего.*

Встреча с бабушкой, княгиней Елецкой, чопорной престарелой мадам, прошла так же, как и в прошлом сезоне. И в позапрошлом, и пять лет назад. Не менялся ни нудный обед в честь приезда, ни выражение ее лица. Скука. Тут даже сестрицы со мной были согласны. С горем пополам дождавшись вечера, мы тайком сбежали из своих комнат и, собравшись вместе, принялись строить планы на бал, открывающий Зимние празднования.

Нэнси, наша старшенькая (матушка настояла, чтобы мы звали ее на заморский манер), – статная девица, а ежели не миндальничать, то просто каланча, с шикарной русой косой до пояса и огромными синими глазами словно сошла с лубочной картинки.

Характером она удалась в папеньку – улыбчива, мила, не слишком болтлива. Идеальная жена для не сильно умного, в меру капризного князька. К ней сватались многие, но неизменно получали отказ. Сердце сестрицы принадлежало лишь одному человеку, и наше шумное семейство в порыве трогательного единодушия хранило ее тайну. Даже от меня. Невозможность удачно вытолкать Нэнси замуж временами вгоняло маменьку в уныние, но не настолько глубокое, чтобы настаивать всерьез.

Стоило признать, втайне я хотела быть похожей на старшую сестру. Про меня родители говорили, мол, еще и доплатить придется, чтобы такой подарочек с рук сбыть. Мало того что красой особой не отличаюсь, так еще и увлечения имею не подходящие. В общем, горе луковое, а не княжна.

Среднюю сестру звали Мирна. Невысокая, бойкая и наглая (вся в матушку), как таракан в мужицкой хате, она, как и упомянутое... многоногое, считала себя хозяйкой положения. Везде и всегда. Мы с ней никогда не ладили. Возможно, потому, что я тоже унаследовала некоторые из этих качеств. Задором, звонким смехом и сияющими темными очами она с лихвой компенсировала в глазах окружающих отсутствие стати и чувства меры, так украшавших Нэнси.

И вот две красы, каждая по-своему поражающая воображение мужчин, сидели у меня на кровати. Мирна, что-то увлеченно рассказывая, махнула рукой так стремительно, что я поспешила отодвинуться. Отражение повторило мое движение.

Я невольно вздохнула. Девица в зеркале была в меру костлява, в меру угловата, имела приличную русую косу и россыпь конопушек на чуть вздернутом носу. Ежели верить маман, годам к двадцати я обещаю стать настоящей красавицей. Вот только слабо верится. Рядом с сестрицами на меня никто и не взглянет.

Хотя о чем я. Спасу царевича, как задумано, и выскочу замуж даже раньше Нэнси. Может, внешность у меня и не для парадного портрета, зато характер исключительный. Для царевны в самый раз.

– Ариша! Ты слышишь?

– А то ты не видишь, Нэнси! Ей же с нами ску-у-учно. Мы вышиваем, песенки поем, ведем себя как дома-а-а-ашние безголовые ку-у-у-уры, сие ведь не по ней, – пропел у меня над ухом голосок любимой сестрицы Мирны. Но прежде чем я успела съязвить в ответ, вмешалась Нэнси.

– Не нарывайся. Ариш, я хотела спросить, с кем ты бы хотела открыть танцевальный сезон? – сестрица старательно «в нос» выговорила новомодное слово.

Я усмехнулась.

– Маман уже, небось, все расписала за полгода до Зимних празднований.

– Ты прекрасно знаешь, что можешь выбрать сама.

– Зачем ей?! Она у нас только за царевича пойдет, забыла? – Мирна деликатностью не отличалась.

– Я ежели и пойду, то надолго. А вот от твоей болтовни благоверный сбежит уже через декаду! – душевно сообщила я, борясь с желанием швырнуть в сестрицу подушкой.

Нэнси обреченно покачала головой. Она любила нас обеих и никак не могла взять в толк, почему мы не можем жить дружно.

Я закрыла глаза и откинулась на подушки. Бубнеж Мирны доносился теперь словно изда- лека, разбавляемый мелодичным голосом Нэнси. Они обсуждали мою детскую мечту, неиз- вестно, по какому кругу перебирая возможные и невозможные варианты. Первым неизменно шел престарелый царевич Олег, отроком заставший еще батюшку нынешнего царя.

Подданные с нетерпением ждали, когда на престол взойдет цесаревич Мирослав, и так правящий государством в тени сумасбродного родителя, выпивохи и бабника, о чем, не стес- няясь, судачил не только двор, но и все окраины. Поминали также младшего отпрыска цар- ской фамилии, царевича Елисея, который похождениями своими затмил даже неподражаемого батюшку.

Сестренки развлекались, не подозревая главного. Со свадьбой, или без, я действительно дала зарок спасти царевича. Когда мне было девять, случилось кое-что, о чем я не рассказы- вала ни маман, ни даже Нэнси. Мы тогда впервые поехали в стольный Софийский град на Зимние празднования. Бабушка, сразу после маменькиного замужества, отеклась от нее, ведь батюшка, до обретения титула, был, прямо скажем, неудачной партией для девицы из богатой и влиятельной семьи. А о сказочном, иначе и не скажешь, состоянии князей Елелецких и не менее внушительной гордыне знали все. Но когда Нэнси стукнуло шестнадцать, бабуля сме- нила гнев на милость и согласилась принять внучек в стольном граде. Первый сезон в жизни Нэнси, выросшей в суровом и небогатом Южном граде, обещал стать оглушительным. Нас даже представили ко двору. Всех троих, несмотря на юный возраст. Я была слишком малень- кой, чтобы танцевать, а в царских палатах столько всего интересного... Немудрено, что я сбе- жала от мамок-нянек и бродила по многочисленным залам и переходам в гордом одиночестве. И в оранжерее, возле диковинного фонтана, в который так весело было бросать камушки, я впервые увидела Его.

***

– Если бросишь над самой водой, он пролетит дальше и подпрыгнет несколько раз.

Чей-то голос раздался над ухом, когда я пыталась выудить очередной камушек.

Я испуганно выпрямилась и оглянулась. Темноволосый мальчишка лет пятнадцати в новеньком камзоле с парадными лентами, сидел на бортике фонтана, почти касаясь воды носками сапог.

– Ты кто? – испуганно спросила я, прижимая мокрые руки к груди.

– Царевич, – грустно улыбнулся мальчишка, откидывая челку со лба. – А ты кто, кроха?

Я задумчиво посмотрела на него.

– Ты не похож на царевича...

– Почему? – удивился он.

– Царевичи веселые и смелые, они царевен от чудниц спасают, – сообщила я, ни секунды не сомневаясь в своей правоте. – Вот ты когда-нибудь спасал царевну?

Мальчишка улыбнулся краешком губ, а глаза его остались задумчивыми.

– Скорее, царевне придется спасать царевича, Кроха...

Я гордо выпрямилась, не обращая внимания на подмокшее платье и мятые розовые ленты.

– Ежели понадобится, спасу!

Одиноким смешок как-то уныло прозвучал в огромной оранжерее.

– Я тебе верю, Кроха. Если, кто-то меня и может спасти, то только ты.

– Но я ведь не царевна... – От такой несправедливости даже слезы на глаза набежали.

– Царевич всегда женится на спасенной девице? – неожиданно уточнил мальчишка, серьезно глядя на меня.

Я уверенно кивнула – большой бант на голове согласно трепыхнулся.

– Значит, я женюсь на тебе, и ты тоже станешь царевной.

– Тогда я точно тебя спасу! – я вздернула нос и сжала кулачки, подтверждая решительность своих намерений. – Вот только... ты научишь меня бросать камушки?

Грустный царевич улыбнулся.

Мне, смущенно теребящей бант, ужасно захотелось улыбнуться в ответ...

***

Осенью того же года в стольном Софийском граде вспыхнул мятеж. Люди устали терпеть самодурство бестолкового царя и жаждали уже не перемен, а крови. Цесаревич Мирослав по счастливому стечению обстоятельств оказался в Южном, куда не успела докатиться волна народного недовольства. Суровые вояки, закаленные в стычках с басурманами, благоволили цесаревичу. Гвардейский подпоручик Луговской, наш батюшка то бишь, одним из первых поддержал наследника престола. Цесаревич лично возглавил войско, навел относительный порядок в стольном граде и с тех пор фактически правил государством, позволяя царю-батюшке тихо транжирить казну в свое удовольствие. А про младшего все как-то забыли. Никто не знал, как он выжил, что испытал, когда понял: до брата не добраться, а царю безразлично, что будет с сыном.

Минуло восемь лет. Царевич возвратился после долгой учебы в заморском Университете – кажется, лишь для того, чтобы потрясти царский двор безумными выходками и ледяным презрением ко всему, что раньше было ему дорого.

Я повзрослела, поняла, что не узнаю в холеном франте того царевича, который до сих пор сидит на бортике фонтана где-то в глубине моей памяти. Того царевича, которого я обещала спасти.

Временами я мечтала, как мальчишка с длинной темной челкой оказывается каким-то другим царевичем и...

...И, возвращаясь с небес, вспоминала: запас царевичей на свете ограничен. Наше Царство располагает лишь пятью, трое из которых годятся мне в дедушки.

Приходилось признавать: грустный юноша превратился в царевича Елисея, франта, мота и пьяницу, спасти которого, даже подвернись мне такая возможность, я бы не стала.

Глава 2

«...Прадед теперешнего царя был Реформатор. Очень уж любил он все заморское да диковинное: сватался к королевне какой-то дивной страны, презрел мнение бояр своих много-мудрых и все-таки женился. И не стало с того момента в царстве покоя. Новой царице все было на чужой земле не мило: и оранжереи нет, и фонтанов, и про ассамблею никто слыхом не слыхивал. Нечего делать, начал тогда царь супруге угождать: и ассамблею завел, и бояр верных дворянством обозвал, и бороды стричь велел, как будто мало было им позора. А еще корабли начал строить, большие и легкие, не хуже заморских. Сын его деяния славные продолжил, кого уговорил, кого заставил, и началась в царстве мода на заморский «политес». Что такое «мода», тогда тоже не знали, но выучили. Теперешний же царь-батюшка к кораблям, да учениям интересу особого не имел, зато празднества любил и проводил их с истинно заморским размахом...»

Экипаж мягко остановился, покачиваясь на рессорах. Кучер переждал столпотворение у парадного крыльца, и мы подъехали ближе. Сомневаюсь, что кто-нибудь посмеет задержать дольше необходимого карету с гербом Луговских. Правая рука государя бывшей не бывает. Выход в отставку не мешал бабушке наводить ужас на придворных подхалимов.

Я ехала в карете с бабушкой и маменькой, которая старалась лишний раз не выпускать меня из виду. После того как слуги помогли нам выбраться из экипажа, мы чинно поднялись по бесконечной лестнице (тут главное – не запыхаться) и под обстрелом любопытных взглядов дождались, пока из другого экипажа выберется бабуля, чтобы потом также сразиться со ступенями. Едва заметно опираясь на руку Нэнси, княгиня Елецкая демонстрировала чудеса стойкости. Мирна медленно шла рядом, из последних сил сдерживая нетерпение.

Стоило нам ступить в бальную залу, как маменька удалилась ворковать с приятельницами, наградив меня напоследок суровым взглядом. Эдакий упреждающий удар по моему своеволию. Я фыркнула. Папенька изволил скучать в обществе других вояк, которые привезли жен и дочек на сезон в Софию. Бабушка удалилась отдохнуть после свидания с лестницей, так что пришлось стоять рядом с сестрицами. Под оценивающими взглядами проходящих мимо господ я чувствовала себя пучком морковки на прилавке у крикливой торговки.

И как такое может нравиться?!

Мирна, в отличие от меня, явно наслаждалась всеобщим вниманием. Время от времени она награждала кого-то из заглядевшихся на нее молодых дворянчиков бесстыдной улыбкой, и когда тот смущенно отводил взгляд, эта разбойница заливалась веселым смехом. Нэнси качала головой, даже не пытаясь воспрепятствовать шалостям сестрицы. Было видно, она погружена в свои мысли.

Время тянулось бесконечно. В танцевальную залу прибывали новые и новые люди, мне казалось, что конца-краю этому потоку нет и не будет. Дворяне со всех концов страны приезжали в стольный град, чтобы свидеться со знакомыми, поклониться царской семье и насладиться зрелищем Святых огней, вспыхивающих над главной церковью Софийского града в последний день празднества.

Я посмотрела по сторонам, наткнулась на чей-то оценивающий взгляд и поспешно отвела глаза. До начала злосчастных танцев оставалось удручающе много времени. Я вздохнула, насто-роженно оглянулась и отступила от сестер на полшага. Никто не заметил.

Чудесно. Я развернулась и чинно поплыла к выходу, старательно копируя лебединую поступь Нэнси. Конечно, мне влетит. Я не в том возрасте, чтобы бродить невесть где без сопро-

вождения, но, видит бог, я просто не в состоянии больше изображать благообразную девицу на выданье. И к тому же мне ужасно хочется взглянуть на старый фонтан.

В том, что мысль была далеко не блестящей, я убедилась почти сразу. Златоглавая София была приморским градом и даже летом не баловала теплом, а уж зимой и подавно: морозы бывали такие, что хоть и вовсе с печи не слазь. Так что легкая меховая накидка от холода не спасала, да и ступать по дорожкам, пусть и расчищенным от снега, в туфельках из тонкой кожи было не очень уютно.

Но затея того стоила. Старый фонтан в центре ухоженной оранжереи ничуть не переменялся за долгие годы. Вода в нем бежала по каменным ступеням даже в зимнюю стужу – чудо, которое так сильно поражало меня в детстве.

Дрожащими пальцами я стянула перчатку и опустила руку в идущую мелкими пузырьками воду.

– И что делает молодая девица вдали от света, музыки и танцев?

Я отдернула руку – и несколько капель попало на новое платье. Настроение рухнуло вниз. За моим плечом определенно стоял мужчина, что уже было чревато проблемами. Говорил он с подчеркнутым заморским акцентом, звучало нелепо, но ничуть не умаляло незавидности моего положения.

– Нарушать уединение девицы знатного происхождения – признак дурного тона, – резко сообщила я, не оборачиваясь.

Перчатка ни в какую не хотела надеваться на мокрые пальцы.

– Девица знатного происхождения и приличного воспитания не станет бродить по оранжерее в одиночестве.

Покровительственный тон и оскорбительное замечание разозлили меня. Никакие силы не смогли бы заставить меня смолчать.

Я не слишком изящно вскочила и обернулась.

И первые же слова гневной отповеди застряли у меня в горле, как вереница экипажей у дворцовых ворот. Я торопливо присела, склонив голову.

– Приношу свои извинения, Ваше Высочество.

Я не решалась поднять взгляд и в затянувшуюся паузу все сильнее чувствовала...

Нет, какая там неловкость! Я чувствовала, что мои ноги в тонких туфельках основательно замерзли, да и одета я, прямо скажем, не по погоде. Царевич в теплом плаще явно не испытывал подобных неудобств.

– Могу я удалиться? – мрачно спросила я, все так же не поднимая головы.

– Как вам угодно.

Еще раз присев и чувствуя себя при этом игрушечным солдатиком, я торопливо направилась к выходу.

– Пойдите, как вас там...

Я стиснула зубы.

«Нас тут» княжна Арина Луговская, между прочим. Можно бы и запомнить тех, кому семья обязана жизнью и властью!

Мысленно прокрутив в голове весь перечень претензий, я послушно замерла.

– Вы так и не ответили, что делали здесь.

Надо же было так попасть!.. Я чуть слышно вздохнула. На вопросы венценосных особ принято отвечать без заминки.

– Я люблю оранжерею. Каждый раз прихожу сюда, когда... удастся сбежать из-под надзора, – с деланным равнодушием сообщила я.

– И чем же вам так тут нравится? – голос Его Высочества резанул издевкой.

– Все еще надеюсь научиться бросать камушки... – слова вылетели прежде, чем я сообразила, что именно говорю. Я испуганно замерла, внутри все сжалось. Какого ле... Нет, даже в порыве душевного смятения не должно девушке выражаться как челяди на псарне. Я сжала зубы. Во-первых, чтобы от холода не стучали, а уже потом...

– Идите отсюда, совсем замерзнете, – равнодушно прозвучал в тишине за моей спиной голос царевича.

К крыльцу я шла, не сбавляя шага, не оборачиваясь, и осмелилась начать дышать, только когда слуга с непроницаемым лицом помог мне снять накидку.

Небрежно оправив платье и оценив свое перекошенное в цветочной вазе отражение как удовлетворительное, я спешно направилась в залу. Ноги начинали отмерзать. Ничего, потанцую и совсем согреюсь.

Я торопливо вошла в бальную залу. Главное, чтобы никто не заметил моего...

– Арина!

...Отсутствия. Да уж.

Ко мне, как боевой корабль назло всем штормам, прокладывала дорогу маменька. Я приготовилась к долгой осаде.

– Арина! Твои сестры тебя потеряли! Как ты можешь так пропадать, когда я пообещала первый танец младшему графу Зарецкому!

Я невольно скривилась. Младший граф, наследник дедушкиного огромного состояния, кроме этого, увы, больше ничем похвастаться и не мог.

– Как скажете, маман, – безо всякого вдохновения буркнула я.

– И будь с ним повежливее, а то твоя репутация когда-нибудь окажется окончательно погубленной из-за дурацких выходок!

Маменька не могла не вспомнить эпопею с отваживанием перспективного кавалера. Трагическим голосом я сообщила выбранному маменькой молодчику, что больна жуткой, а главное, заразной болезнью, из-за которой сначала заикаешься, а потом косеешь... В общем, этот великий разумник поверил и отказался со мной танцевать. Мирна была в восторге, маман – в ярости. Нэнси неодобрительно сообщила, что можно было просто сказать: он мне не нравится. Ага, как же. Когда маменька начинает строить матримониальные планы, ее даже взвод кавалерии не остановит...

Ой, вот про наше доблестное войско лучше вообще не вспоминать, сие уже папенькина идея: просватать меня за какого-нибудь бравого вояку. Ну уж нет! Такой супруг, возможно, и разделял бы мою тягу к авантюрам, но сомневаюсь, что разрешил бы в них участвовать.

Глядя, как маменька машет сестрам, чтобы они подошли, я невольно усмехнулась. Поздновато ко мне конвой приставлять, я уже все успела: и по оранжерее без сопровождения прогуляться, и с мужчиной наедине побыть. Да еще и непросто с мужчиной, а царевичем, имеющим определенную, не очень хорошую репутацию. Так что план по шалостям выполнен на полгода вперед.

Глава 3

*«...Тяжкие думы склонили головы бояр многомудрых,
омрачились их лица, некогда бороною окладистой украшенные.
Угождает царь-батюшка царице заморской,
про царствие свое позабыл совсем.
– Не иначе как околдовала гадина заморская царя нашего батюшку,
– молвил один из бояр верных.
Другие же кивали солидно,
за неимением бороды кафтан заморский на животе оглаживая:
– Истинно так.
– Ибо зова предков своих царь наш батюшка слышать не хочет.
Седины их позорит нововеденьями срамными!
А раз обучена она, царица ненавистная, ведовству поганому,
дабы вернуть царю-батюшке чистоту помыслов,
напрочь утраченную, сказ наш будет короток – убить!...»*

Оркестр заиграл в тот момент, когда я уже была готова отдать маменькину собачонку и собственные красные бусы из заморского стекла за сие мгновение! Придворные расступились, и в танцевальную залу вошел царь-батюшка в сопровождении царицы-матушки и двух сыновей. Судя по неуверенной походке, Его Величество начал праздновать уже достаточно давно и сил его (душевных, разумеется) хватит только на то, чтобы добрести до трона и пристроить на него свой венценосный за...

Я княжна, не стоит об этом забывать.

Вспомнив про политес, я быстро натянула на лицо улыбку. Мы стояли слишком близко к трону, и я не могла позволить себе кислую мину в такой торжественной обстановке.

Пока я витала в облаках, царь-батюшка утвердился на троне, цесаревич Мирослав подал руку царице и вывел ее в центр залы. Танцевать должны были оба царевича, и общество с нетерпением ждало, кого же изберет младший царевич Елисей для открытия Зимних празднеств в этом году.

Один из ближайших друзей Его Высочества, Великий князь Обломский, пятый по счету претендент на царский престол и постоянный собутыльник царевича, неспешно двинулся по залу. О том, насколько мрачен, красив и загадочен, молодой князь Борис, с предыханием говорили все незамужние девицы царствия. Впрочем, замужние, которые, к слову, интересовали его куда больше, также охотно сплетничали о нем.

Царевича и князя, вместе с заморским маркизом, который очень любил наш национальный колорит и медовуху, часто видели в различных заведениях сомнительной репутации в обществе продажных девиц. Девицы, по слухам, самого царевича волновали мало, а вот бутылка очень даже. Так что, следуя своей мечте, я могла спасти Его Высочество разве что от «зеленого змия», а такой подвиг в легендах не воспоют. Одно разочарование.

Пока я предавалась невеселым размышлениям, Великий князь остановился рядом с нами и легко поклонился.

Не поняла...

Я уставилась на протянутую руку как солдат на вошь, и только получив от Мирны ошутимый тычок под ребра, спохватилась, что мои манеры вышли прогуляться... и по традиции забыли вернуться. Я торопливо присела, вложив пальцы в ладонь Великого князя.

Он неспешно повел меня по кругу под озадаченными взглядами присутствующих. Я могла их понять: приглашение на первый танец сезона было равноценно признанию моей особы фавориткой царевича, а я не годилась на эту роль никоим образом.

Может, они напутали?!

Князь подвел меня к Его Высочеству и отступил назад. Я тоскливо взглянула ему вслед и осторожно подняла глаза на своего предполагаемого партнера.

Царевич церемонно поклонился и, шагнув вперед, положил руку мне на талию.

Никогда не доводилось танцевать с кем-то столь... знаменательным. Ежели, к примеру, кто-то из послов желал оказать честь нашей семье, то приглашал Нэнси или Мирну. В тени сестер я танцевала только с друзьями отца, потенциальными женихами или Витенькой. Вспомнив про названного брата, я почувствовала, что ужасно скучаю.

Его Высочество был недурным танцором. Двигался уверенно и легко, танцевать с ним было одно удовольствие. Ну, почти. Лицо царевича, напрочь лишенное какого бы то ни было выражения, меня настораживало. Невозможно было определить: нравится ему, или он пригласил меня из каких-то известных лишь ему соображений.

Да и наша беседа у фонтана придавала некоторую двусмысленность ситуации, заставляя меня нервничать. Впервые с нашего давешнего знакомства я видела царевича так близко. Он был одет в заморское платье с высоким воротом, парика не носил, и его собственные, темные, чуть выющиеся волосы, были слишком коротко острижены, чтобы соответствовать моде. Его Высочество был строен, даже слишком, но высок и широк в плечах. Холеное лицо его сохраняло меланхолическую задумчивость, что было весьма по-заморски и имело у дам даже больше успеха, нежели небесно-голубые глаза царевича. Но дамы, как уже говорилось ранее, Его Высочество не интересовали. Это даже рождало при дворе нехорошие слухи, но я, пожалуй, не опущусь до их пересказа.

– Вы странно на меня смотрите, – неожиданно произнес царевич. Его взгляд скользнул по моему лицу и снова устремился куда-то вдаль.

Я растерянно заморгала.

Браво! Замечталась, дуреха деревенская.

– Пытаюсь понять, почему вы со мной так жестоки, – резче, чем стоило, ответила я.

– Жесток? – на этот раз взгляд царевича задержался дольше. В нем даже скользнуло едва заметное удивление.

– Да, Ваше Высочество. Ежели это месть за мою неучтивость в оранжерее, то она слишком беспощадна.

Теперь царевич, не отрываясь, смотрел на меня.

– И с каких пор приглашение на танец считается мстью?

– С того самого мгновения, как почти все дамы в этом зале возжелали мой скорой кончины, – желчно сообщила я и, подумав, прибавила: – В муках, разумеется.

Я не верила собственной наглости: вести беседу с представителем правящей династии в таком тоне... Да маменька убила бы меня на месте!

Но царевича это, казалось, только позабавило.

– Тогда я желаю пригласить вас и на следующий танец.

– Сжальтесь, Ваше Высочество. Не стоит делать таких неосмотрительных шагов из одного лишь желания досадить мне.

– А почему Вы решили, что сие единственная причина?

Музыка смолкла – и царевич склонился передо мной, что лишило меня возможности ответить: пришлось спешно присесть в ответном почтительном реверансе.

– Позвольте представить вас моим друзьям. Я уверен, они также пожелают пригласить вас на танец.

Я бы прекрасно пережила без этого, но выбора у меня, похоже, не было. Рука об руку мы с царевичем двинулись в противоположную от семейства Луговских сторону.

Впору было насладиться триумфом – почтенные знатные матроны пребывали в полуобморочном состоянии – но, увы, я была озабочена тем, чтобы выглядеть достойно, шествуя подле царевича.

Столько вещей надобно держать в голове! Спину выпрямить, голову гордо поднять, под ноги не коситься и при этом не споткнуться о юбку. Ну и гвоздь программы, как там... Три шага, взгляд вправо, наклон головы, улыбка; три шага, взгляд влево, наклон, улыбка, три шага... тьфу, сбилась. Придется, начать заново. Три шага...

К счастью, мы дошли до стены. Я облегченно вздохнула: стоя на одном месте, соблюдать благообразность куда проще!

– Мои друзья завершат тур вальса и присоединятся к нам, – обратился ко мне Его Высочество.

Я кивнула с самым важным видом.

– Возможно, Ваше Высочество просветит меня относительно других причин вашего приглашения? – о, как завернула! Мадам, обучавшая нас с сестрицами заморскому этикету, прослезилась бы от восторга.

Царевич продолжал смотреть в зал. Я уже усомнилась, слышал ли он меня (ежели нет – обидно, повторить я уже не смогу), но он внезапно ответил. И, право слово, лучше бы смолчал!

– Много лет назад, еще до мятежа и последовавших за ним событий, я встретил девочку, которой был совершенно очарован. Она спросила меня, спасал ли я когда-нибудь царевну, – Его Высочество покачал головой. – Тогда я даже себя спасти не мог, но твердо решил, что попытаюсь все исправить. Я пообещал себе, что, ежели выживу, женюсь на ней, сдержит она свой зарок или нет. Вы ведь понимаете, о чем я говорю?

– Зарок спасти царевича, – чуть слышно прошептала я, с неверием глядя на бесстрастное лицо Его Высочества.

Он повернулся ко мне, заметив, что Великий князь, заморский маркиз и еще несколько его извечных собутыльников направляются к нам.

– Я хочу спросить: согласны ли вы стать царевной с той же легкостью, что и много лет назад?

Я почувствовала непреодолимое желание сбежать. Подобрать юбки и сигануть через зал к выходу. Сомневаюсь, что кто-либо меня догонит! И только мысль, как впечатляюще сей маневр будет выглядеть со стороны, заставила меня остаться на месте.

Я собрала волю в кулак. Его Высочество не может вот так взять и предложить мне выйти за него замуж! Пусть я и младшая из княжон Луговских! Своеволия в этом ответственном вопросе никто не допустит, а значит, надобно вежливо отказаться.

– Что вы, Ваше Высочество, из меня царевна еще хуже, чем из вас – царевич!

Ой... Я испуганно взглянула на царевича. Он, видя мое замешательство, неожиданно фыркнул.

– Меня не может не радовать мнение подданных, – с непонятной мне интонацией произнес Его Высочество.

Я боролась с желанием заползти за занавеси.

Надо же было так... высказаться! Вежливо отказала, ничего не скажешь... И хоть Его Высочество на меня вроде как и не злится, все равно я чувствовала себя не в своей тарелке. Одно дело тайком мечтать о царевиче из сказок (я отогнала видение из достопамятной книги), другое – получить реального, со всеми его загулами, сомнительными друзьями и кабаками. В то, что Его Высочество остепенится после свадьбы, верилось слабо.

Но согласна я с предложением, или нет, хамить царственной особе не стоило... Кто знает, чем это может обернуться.

К счастью, нас обступили друзья царевича, отвлекая меня от мрачных мыслей. Каждый из них старался потрясти мое воображение изысканным комплиментом. Они не верили собственным словам настолько, что меня сие даже забавляло. Окружение царевича хотело видеть рядом с ним заморскую дворянку... Что-то вроде маркиза де Фуа, извечного спутника царевича, только без усов и в платье с открытыми плечами. Манерную, черноглазую, с пышными, напомаженными локонами. Такой гусенок, как я, с простоватыми манерами и провинциальной прической, не подходил младшему из царевичей софийских ни в каком виде.

Я старалась запомнить особо интересные сравнения, которые не имели к моей особе ни малейшего отношения, чтобы потом от души посмеяться вместе с сестрицами, но вдруг что-то отвлекло мое внимание. Я порывисто шагнула вперед, пытаясь разглядеть, что же меня так насторожило, но бальное платье, увы, на размашистый гусарский шаг рассчитано не было. Я всё-таки наступила на подол и стала неизящно заваливаться вперед. Его Высочество попытался меня поддержать, но не сдюжил.

Моя репутация в глазах царского двора рухнула окончательно. В самом прямом смысле.

Уже лежа на полированном паркете (знатно приложившись об него головой), в бальном платье, которое бесстыдно облегло и частично обнажало все, что только можно было и нельзя, я вдруг поняла, что боль в плече намного опередила само падение. Подумать о том, что бы это значило, я не успела: высокий расписной потолок танцевальной залы коварно поглотила темнота.

Глава 4

Заточка – заостренный с одного конца трехгранный напильник, вошедший в лист Царской Тайной Канцелярии как одно из самых вульгарных и банальных орудий для умерщвления особы царской крови.

Батюшка был примерным воякой. Происходил он из знатного, но небогатого рода, и, будучи младшим сыном, не наследовал ни титула, ни денег и вынужден был сам пробивать себе дорогу в жизни. Женился рано, по любви, на бойкой дочери богатого помещика-соседа и увез жену в бедную офицерскую квартиру в суровый и неприступный Южный град, где темпераментные басурмане издавна не давали честным людям жить спокойно.

Время, проведенное на горных рубежах, подарило батюшке несколько серьезных ран, звание командира Первого Южного гусарского полка, скромный дом... и трех дочек.

Как и всякий военный, подпоручик Луговской втайне представлял, как обучает сына размахивать саблей, но судьба «наградила» его нами. Возможно, без кавычек, так как из нас троих только Нэнси не проявляла интереса ко всему колюще-режущему, за вычетом столового серебра. Мы с Мирной охотно учились стрелять и фехтовать и ездили верхом без заморского дамского седла.

Маменька сквозь пальцы смотрела на наши развлечения. На юге к подобным интересам благородных девиц принято было относиться с пониманием. В пограничном граде, за оружие приходилось браться всем, вне зависимости от пола и возраста. За свой недолгий век мы с сестрицами пережили два штурма и одну длительную осаду, прерванную войсками цесаревича.

И ежели Мирну просто тянуло на то, что делать было неприлично, то я со всей серьезностью подошла к обучению. За свою жизнь и честь, случись чего, я вполне спокойна. Ежели не отобьюсь, так хоть живой не дамся. Чтобы отметить мои успехи, на шестнадцатые именины батюшка подарил мне шпагу. К тому моменту мы уже переехали в имение в Озерном крае, и маменька, возобновившая старые знакомства, успела вспомнить правила политеса и была страсть как недовольна таким подарком. Однако я была просто счастлива. Оружие, заказанное специально для меня, пришлось как раз по руке, в отличие от папенькиной именной сабли. Тяжеленная зараза, только один раз да с двух рук и размахнуться! А потом бросить наземь и бежать, опозорив честь мундира.

Тьфу, какой мундир! Нет у меня никакого мундира, и не будет...

Хотя чем, по сути, бальное платье от мундира отличается? Да ничем. Предназначение у него такое же: «род войск» определять. Раз светлое – значит, девица, родовых камней нет – значит, либо бедна, либо из младших дочерей и так далее. Неудобная штука, платье, хоть и красивое! Один раз надела и...

...Что-то случилось с моим новым бальным платьем. Не помню.

И со мной тоже что-то случилось... Я в этом странно уверена.

Медленно открыла глаза. Осмотрелась. Судя по картине за окном, удачно не закрытым шторой, я в западном крыле царских палат. Второй этаж, кажется, третьи гостиные покои.

Я невольно хмыкнула, оценивая заново свою осведомленность. Ведь даже план палат могу нарисовать, только бумагу дайте!

Во время мятежа живший на тот момент в Южном цесаревич Мирослав (бесславно бежал на войну от папенькиных гулянок) вернулся в столичный град вместе с Первым Южным гусарским полком. Казалось, что может сделать в стольном граде, раздираемом междоусобными распрями, один полк легкой кавалерии?

Но на Юге знали, что делали, отдавая Его Высочеству лучшее, что у них было, фактически оставляя драгун крепости без «глаз и ушей». Закаленные в боях на чужой земле, привыкшие к разведывательным вылазкам и внезапным атакам, бравые вояки под командованием батюшки неумолимо наводили порядок в столице, продавая собственные жизни по одной за дюжину.

Цесаревич Мирослав плохой памятью наделен не был. Не забыл он в победный час ни града Южного, поддержавшего наследника в не самые спокойные времена, ни простых вояк, принявших присягу и вернувших цесаревичу власть, принадлежавшую ему по праву рождения.

Для Южного год и впрямь выдался нелегкий: пользуясь сумятицей в стольном граде, подняло голову Островное царство, издавна бывшее младшим братом и союзником. Сторговавшись с басурманами, напали они с двух сторон на славный Южный град, и если бы он пал, ничто не спасло бы земли Царствия от разграбления. Мне было всего десять, Мирне – тринадцать. В конце улицы, на которой стоял наш дом, дождевая вода собиралась в лужи. Мы пускали там кораблики и из нее же пили воду, когда осада затянулась... На зубах скрипел песок, а с площади, где жгли тела погибших, тянуло паленым.

Так, вдыхаем, выдыхаем и продолжаем перебирать то, что вспоминается.

Царской волей наш батюшка был назначен новым генералом от кавалерии, и, пользуясь затишьем в стольном граде, повел войска, примкнувшие к его полку в столице, обратно на помощь Южному. Цесаревича остались охранять добровольцы из Первого Южного гусарского полка, переименованного после пополнения в Софийский гвардейский полк. В коем и служит по сей день мой старший брат.

Удачная кампания под Южным поставила на колени и басурман, и восставшее под шумок Островное царствие. Правящей семье было отказано во власти. В наследники прочили царевича Елисея. Женившись на островной царевне по возвращении из заморского Университета, куда его отправили от греха подальше, он стал бы полноправным властителем маленького царствия. Имя того, кто сохранил жизнь Его Высочеству в охваченном мятежом стольном граде, так и осталось загадкой. Вот только... что вернется из-за границы царевич совершенно ничемным, никто предположить не мог...

По возвращении из Островного царствия батюшка забрал нас из царских палат, где мы жили после освобождения Южного, и подал в отставку. За воинскую доблесть и личную выслугу генералу Луговскому был дарован княжеский титул и поместье, предыдущий хозяин которого потерял голову вскоре после провала восстания.

Батюшку жалует царская семья, мы с сестрами имеем внушительное приданое, а маменька, успевшая послужить при дворе статс-дамой самой царицы, сохраняет, живя в Озерном крае, все важные связи, хоть семья наша и привыкла жить скромно. Слишком свежи были в памяти насыщенные событиями дни в Южном граде.

Подведем итоги: я помню семью, уверена, что у меня две старшие сестры, Нэнси и Мирна. И брат есть. Я могу бесконечно рассказывать историю нашего царствия и на раз ответчу, чем различаются мушкет и кремниевое ружье. Да что там отвечать-то. Мушкет – такая здоровая штука, которую зарядить человек может только стоя, да и то, имея при этом поистине богатейское сложение. А вот облегченное кремниевое ружьецо времен царя-Реформатора заряджу даже я. Оно от охотничьего ничем и не отличается, а из этого добра я вроде как неплохо стреляю.

Так что получается, я убивала зайчиков? Нет, вроде бы нет... Деревянная мишень, на которой тренируются царские гвардейцы, по лесу не бегает и морковку не жует.

Так не отвлекаемся, потому как имеется проблема куда серьезнее... зайчиков. Есть одна вещь, которую я ну никак не могу вспомнить!

Кто – я?

Цены бы мне не было как разведчику: знаю кучу тайн царского двора, и при этом даже собственное имя вспомнить не в состоянии!

Я шевельнулась.

Ой, больно! Да уж, здоровье мое явно оставляет желать лучшего. Голова гудит, плечо тщательно замотано, рука почти безжизненно висит на перевязи. И что характерно, я совсем не помню почему.

Очередная выходка? Да нет, тогда в кровати бы лежал кто-то другой, я себе не враг.

Кажется, были танцы... Точно, были, но откуда тогда боевое ранение?! Танцую я, конечно, далеко не мастерски, но и не так плохо, чтобы встречать следующий день со сломанной рукой! Или она не сломана?!

Я неловко, одной рукой, растянула шнуровку на груди и заглянула под рубашку. Бинты, покрывающие предплечье в нескольких местах, потемнели от крови.

Какого ле...

Что же я там делала, на этих танцах?!

Воображение рисовало картины, одна хуже другой. Но прежде чем волны паники успели захлестнуть меня с головой, в дверь вежливо постучали. Я насторожилась: выяснять, что еще я не помню, не было никакого желания.

Но все же лучше раньше узнать, чем когда грянут неприятности. Уверенность, в том, что они грянут, и совсем скоро, объяснению опять-таки не поддавалась.

– Войдите, – мрачно сообщила я двери.

В ответ на пороге возникли две знакомые девицы.

– Отвратно выглядишь, сестрица, – бодро сообщила темноглазая и пониже ростом, а та, что повыше, с толстой русой косой, только вздохнула и, подойдя к кровати, ласково коснулась рукой моего лба.

Я еще раз настороженно перевела взгляд с одной на другую, подумала... и расслабилась.

– И давно я здесь валяюсь?

– Месяц! И...

Нэнси ткнула локтем в бок Мирну, та обиженно замолчала.

– Второй день будет, Арина! Мы так перепугались...

– Кто перепугался? Я в полном восторге, – снова перебила средняя сестрица, – теперь Аришка точно за царевича выскочит! После ТАКОГО он просто обязан на ней жениться!

Верно, я Арина. И как мне такая мысль раньше в голову не приходила? Очевидно же: Арина Семеновна, младшая из княжон Луговских. Как все...

Подождите?!

После чего на мне какой-то там царевич женится?!

Внутренний голос услужливо подсказывал, что я что-то натворила, от души причем. Но что именно, мне было, увы, не вспомнить.

– И что же я такого сделала? – сдаюсь, пусть подскажут.

– Кинулась на шею к младшему царевичу...

Я мысленно возмутилась. Какого?.. Его Высочество, как утверждает моя дырявая память, мерзкий тип и никогда мне не нравился.

–...В тот момент, когда его попытались ударить заточкой.

Я машинально взглянула на свое предплечье, украшенное бинтами. Заточка?!

– Батюшка встревожен, велел Вите не спускать с тебя глаз, – сочувственно глядя на меня, сказала Нэнси.

– Вы еще няньку приставьте! – вяло огрызнулась я, раздумывая, во что и насколько серьезно я ухитрилась вляпаться.

– Из-за этого случая тебе может грозить опасность!

– Ай, Нэнси, – Мирна вскочила на кровать рядом со мной. – Зато теперь Арина станет царевной! Может, хоть у нее получится задержаться в этом титуле. Во-первых, Его Высочество

жизнью обязан, а во-вторых, после того как Ариша лежала там, а он держал ее на руках, да еще и платье задралось по самое...

– МИРНА! – прорычали мы с Нэнси хором.

Сестрица только рассмеялась.

– Ладно, ладно. Все в порядке было с твоим платьем. Но в любом случае за царевичем должок! Впрочем, наследника престола сие не остановило, – бодро произнесла Мирна и почему-то осеклась.

– Одного не понимаю, почему я наоборот – его на месте не подержала, пока целились, – устало сообщила я, не слушая толком бесконечный монолог сестрицы.

Голова разболелась от звонких голосов, веки становились все тяжелее...

То ли сестрицы наконец поняли, что собеседник из меня аховый, то ли я заснула еще до их ухода, но факт остается фактом: проснулась я уже вечером и, что характерно, от стука в дверь.

Здесь гостевые покои или постоялый двор?! Я могу лежать спокойно?!

О-ля-ля, такого визита мы точно не ждали...

Его Высочество царевич Елисей бесшумно вошел в комнату и настороженно выглянул в коридор прежде, чем аккуратно закрыть за собой дверь.

Я озадаченно изучила царевича, с непроницаемым лицом стоящего на пороге моих покоев и никоим образом... не вписывающегося в интерьер!

– Ваше Высочество решили меня скомпрометировать? – осторожно уточнила я, поглядывая по сторонам в поисках путей к отступлению.

– Ни в коем случае. Не хочу, чтобы о моей встрече с вами судачил весь двор.

– О, понимаю. И поэтому вы решили прийти в мои покои, чтобы судачили наверняка! – в моем голосе звучала неприкрытая насмешка.

Глаза Его Высочества полыхнули гневом. Я осторожно натянула покрывало повыше, невольно отгораживаясь от потенциальной угрозы.

– Да как вы смеете разговаривать со мной в таком тоне?!

Я испытала жгучее желание отъехать вместе с кроватью на пару верст от разгневанной царственной особы. Видеть столь сильные эмоции на этом меланхоличном лице было неприлично... и, пожалуй, опасно.

– Прошу простить мою дерзость, – я повинно склонила голову, лихорадочно размышляя, куда бы драпануть. От резкого движения покрывало снова сползло, обнажая грудь в тонкой кружевной сорочке. Ойкнув, я подтянула его на место как можно незаметнее, не решаясь поднять глаза на Его Высочество.

Благородно выдержав паузу и позволив мне поправить «туалет», царевич перешел к цели своего визита.

– Я всего лишь хотел узнать ваш ответ на мое предложение. Можете не беспокоиться, о моем пребывании здесь никто не узнает. Я позабочусь об этом.

Я хмыкнула. Память подсказывала, что Его Высочество вряд ли способен о чем-нибудь или о ком-то позаботиться.

– Итак, я жду ваше слово, – напомнил о себе царевич Елисей.

– Слово? Какое слово? Не понимаю, о чем Ваше Высочество толкует, – осторожно произнесла я, смутно чувствуя, что упускаю, что-то важное. Увы, моя пострадавшая память была совсем не помощница.

– Вот значит, каков будет ваш ответ, – задумчиво произнес царевич.

Я рассерженно подняла глаза, собираясь возразить.

– Что же, я принимаю его, – не глядя на меня, Его Высочество коротко поклонился и вышел.

Я хотела броситься следом, но стоило только дернуться, как плечо мгновенно напомнило о себе. Сердито шипя сквозь зубы, я честно попыталась вспомнить, что же могло быть от меня надобно Его Высочеству.

Поняв безрезультатность этих попыток, я разозлилась окончательно.

Во всей ситуации только одно и соответствовало мои любимым сказкам.

Царевич все-таки был дурак!

Глава 5

*«Забывать службу ради женщины непростительно.
Быть пленником любовницы хуже, нежели пленником на войне;
у неприятеля скорее может быть свобода,
а у женщины оковы долговременны...»*

Шовинистические записки

После двух дней, проведенных в праздности, я почувствовала себя значительно лучше. Несколько раз меня осматривал длинный и сухой, как жердь, придворный лекарь и жизнеутверждающе сообщал, что жить буду: удар пришелся вскользь, и заточка лишь оцарапала кожу. А вот локтем, начавшим подавать признаки жизни, я ударилась уже при падении – весьма неприятно, но также не смертельно.

Привыкший при дворе к тому, что венценосный больной всегда прав, а лечить его при этом как-то надо, он присовокупил истинно наше, народное чувство юмора к заморской наплевательской философии и не моргнув глазом мог подтвердить, что настойка от запора и от мигрени также неплохо помогает и для здоровья весьма полезна. Я слабо представляла, как она может помочь, разве что отвлечься... Одним словом, заморский лекарь человек был занятный и приглянулся мне сразу.

Неловким движением я подтянула подушку повыше и села. Сегодня обещался зайти Витенька, чему я была несказанно рада. Названный брат недавно стал капитаном Софийского гвардейского полка и в отсутствие батюшки лично отвечал за охранение цесаревича. Так что хоть и пребывал Витенька при дворе постоянно, свободным временем для визитов не располагал. В отличие от сестер, которые, помимо всего прочего, видели в моей хвори дополнительную причину пофасонить при дворе.

Да уж, вот потанцевала так потанцевала! С шалостями теперь можно завязать окончательно. Сильно сомневаюсь, что мне удастся выкинуть что-нибудь более зрелищное, чем собственное почти бездыханное тело на руках у младшего царевича на Зимних празднествах!

Выше мне уже не прыгнуть. А жаль...

Я спасла царевича. Эх, знать бы еще, зачем я это сделала... Может, к доктору сходить, попросить настоечку? Без разницы от чего, авось по его философии и от проблем с памятью тоже поможет?

Я вздохнула, закрыла глаза и сползла поглубже под одеяло, чувствуя себя безнадежно уставшей от борьбы с собственной памятью. Но стоило мне попытаться заснуть, как, разумеется, раздался стук в дверь.

На пороге моих покоев, ставшем безумно притягательным местом, стоял молодой человек истинно богатырского сложения, с буйными русыми кудрями, запакованный в аккуратный парадный мундир царского гвардейца. Я на мгновение залюбовалась названным братом. Если кто и подходил на роль сказочного царевича, так только Витенька.

– Мое почтение вам, княжна Арина Семеновна.

Я так и села. Нет, то, что я княжна и Арина Семеновна, не вызывало никаких сомнений, но...

– Витенька, вы больны? Уже бредить начали!

Братец продолжал столбом торчать в дверях, пряча улыбку.

– Так как же, Арина Семеновна, вы теперь, по слухам, царевича нареченная, царевной, стало быть, будете, как можно...

– Так, Витенька, примолкни на мгновение, – я нахмурилась, – не совсем понимаю, к чему ты клонишь.

– Как? Вам ваше счастье неведомо? – Витя старательно округлил глаза, стараясь не рас смеяться.

– Витя, довольно!

Этот солдафон все же расхохотался.

– Не гневайтесь, царе...

Подушка в него все-таки полетела.

Привычный ко всему Витенька проворно поймал снаряд и, не чинясь, уселся прямо на кровать. Я вздохнула и уткнулась лицом в жесткую ткань кафтана. От активных действий разболелась рука, жалко себя стало хоть плачь!

Витя ободряюще погладил меня по голове. Как и в далеком детстве, появилась уверенность, что пока рядом названный брат, никто не посмеет меня и пальцем тронуть, что вселяло некоторые надежды на светлое будущее.

Для нашего семейства Витя стал подарком судьбы. В один беспокойный год (спокойных я и не припомню), когда басурмане сумели подойти слишком близко к граду Южному и даже захватить пару деревень, наш батюшка не вернулся из-за стены. Его отряд, посланный на разведку, столкнулся с неприятелем у самых укреплений, и в завязавшейся схватке некому было подобрать раненых и прикрыть отступление.

Наш батюшка за спинами тех, кто чином ниже, не отсиживался, а потому остался лежать на поле брани, с обширной раной в груди и гаснущим сознанием. Так бы и пропал, ежели бы не мальчишка-сирота из захваченной деревни. Смог паренек пятнадцати лет от роду и сам не сгинуть, и батюшку нашего до деревни дотащить и выходить. Не знал тогда Витенька, кого спасает, и как переменится его жизнь после случайного геройства.

Наделенный крепким здоровьем генерал Луговской сумел оправиться, скорее вопреки неловкому уходу, чем благодаря ему, и примкнуть к отряду за стеной, когда никто уже и не чаял его увидеть.

На родном пороге батюшка появился пару дней спустя, живой, хоть и несколько потрепанный, в сопровождении тощего мальчишки, одетого в военное платье без знаков различия. Он сообщил согласной на все от счастья супруге, что малец отныне будет жить и воспитываться в нашей семье.

Сына батюшка хотел, как и всякий мужчина, особенно венный, так что весь нерастратенный воспитательный талант он направил на чужого мальчишку. Подолгу возился с ним: учил читать, считать, объяснял военную стратегию, правила хорошего тона и прочие науки. Витенька отца боготворил, учился прилежно, старался исполнить его поручения наилучшим образом. Он был расторопен, неглуп, внимателен к нам. Первое время побаивался «барыни», как он называл маменьку, но потом пообвык, понял, что она благоволит к нему не меньше батюшки.

Теперешний Витя ничем не напоминал того тощего, напряженно оглядывающегося по сторонам мальчишку, впервые повстречавшего наше развеселое семейство. Высокий, статный гвардейский капитан, немалый чин для двадцати четырех лет, даже учитывая протекцию батюшки, он был воплощением девичьей мечты. Происхождение Витеньки для многих оставалось загадкой. Злые языки трепали: батюшка прижил сына на стороне, хоть и не желает в том признаваться, что никоим образом не умаляло в глазах людей достоинства их обоих.

Для меня же Витя стал настоящим старшим братом, защитником и помощником во всяческих проказах. Наш переезд из Южного в Озерный край был не таким легким, как может показаться. После вольной жизни на южных рубежах светские условности были чем-то непонятным и странным. За примерами далеко ходить не надо. Дворовые мальчишки в имени

задирали нас с сестрами. Терпели мы не долго. Собрались, позвали на помощь Витю и вломили нахалам по первое число.

Влетело всем. Особенно нам с сестрами за не подобающее девицам поведение.

– О чем задумалась, Ариша? – поинтересовался Витя, заскучав от длительного молчания.

Я неохотно отстранилась от уютного плеча.

– Вспомнилось, как мы наводили в имении свои порядки. Помнишь, как дворовых мальчишек проучили?

Витя рассмеялся.

– И поделом им.

Я с улыбкой покачала головой.

– Жаль, что теперь не можем просто дать кому-то по носу, чтобы все снова стало хорошо.

Витя посерьезнел.

– А неча було лезть не в свое дело! – в моменты душевного волнения, братец вспоминал Южный говор. – Тебя могли убить!

– Здесь ты прав... Сама не знаю, что на меня нашло. Да, кстати, что ты там говорил про мое замужество?

– Да болтают разное. – Витя отмахнулся, словно эта болтовня витала вокруг него как мошкара. – Мол, раз ты спасла царевича, он из благодарности на тебе женится.

Я фыркнула.

– Он не может поступить со мной так жестоко, ведь жизнью обя...

Вот, леший!

– Что такое? – заволновался Витя, замечая, как я смотрю мимо него округлившимися глазами.

– А вдруг Его Высочество...

Я вспомнила последний разговор с царевичем. Ему нужен был ответ на какой-то вопрос. А не предлагал ли он мне часом замуж выйти?! Дыма-то без огня не бывает!

Нет, не помню.

Ежели и предлагал царевич руку и сердце, память моя об этом упорно молчит.

Надо поймать Его Высочество и расспросить как следует!

Нет, не выход. Не спросишь же: «Ой, а вы мне случайно предложение не делали? Да я просто так спрашиваю, ничего личного, просто вспомнить не могу!» У Его Высочества и так обо мне неважное мнение, не стоит усугублять.

Видя мой ступор, Витя разволновался окончательно.

– Что, взаправду предлагал?

– Ничего такого не припомню, – честно призналась я.

Братец несколько успокоился.

– Не моего ума дело, но расфранченный тип, как барышня закатывающий глазки, тебе не пара. К тому же он женится на островной царевне.

О-ля-ля, об этом я как-то забыла. Даже не знаю, радует меня или огорчает сие напоминание. Раз царевич женится на островной царевне, на мне он точно не может жениться. Хоть я и не собиралась за него замуж, но уже начала считать царевича в каком-то смысле своей собственностью. Зря, выходит.

– Да что ты заладил, свадьба, свадьба, – недовольно сообщила я, ерзая на кровати. – Ты мне лучше поясни, как охранная служба, пропустила заточку? Кому понадобилось с ней по бальной зале носиться? Нонсенс же дворянин с заточкой – как заяц с охотничьим ружьем.

– А я надеялся, что ты мне пояснишь. Мы при дворе всем сказали, княжна в беспамятстве и злоумышленника не видела, – Витя глянул на меня, – но надеялись, что ты хоть что-то да расскажешь.

Я покачала головой.

– Увы, я не помощник. Но одно ясно— кто-то из ближайшего окружения царевича козни строит. Посторонних там не было и быть не могло. Его Высочество меня с друзьями знакомил... кажется.

Витя согласно кивнул.

– Это-то и вопрос. Кому из близких к царевичу людей могла быть выгодна его кончина? Явная причина только одна: кто-то из родственников казненных мятежников возжелал мести. Но как-то совсем не ко времени. Столько лет прошло. Тайный совет кивает на Островное царство, но они, если бы могли, всех собак на тамошнюю царскую семью повесили. Также маловероятно.

Я задумчиво потрогала вышитую ткань одеяла.

– Да уж, царевич и сам не шибко рвется в Островное. Может, кому-то и выгодно, чтобы он туда не доехал?

– Здравая мысль сестренка, обдумать надо, – Витя ласково коснулся моего плеча. – А тебе стоит быть осторожной, пока мы все не выясним. Царевичу может грозить опасность. И всем, кто находится подле него.

Я кивнула. Вот уж точно, этот кто-то мог вполне занять на меня зуб, за срыв своих грандиозных планов.

– Знаешь, еще что подумал...

Договорить Вите не удалось, дверь моих покоев распахнулась как от пинка (но кто станет пинать ногой дверь в царских палатах?), и внутрь бесцеремонно ввалилась Мирна. Следом величаво вплыла Нэнси.

Не гостевые покои, а дешевая лавка какая-то! Все кому не лень туда-сюда бродят!

Витя встал, расцеловался с Нэнси, довольно холодно кивнул Мирне и вышел, оставив нас с сестрами наедине. Я вздохнула. Узнать, что еще хотел сказать Витя, мне предстоит теперь не скоро.

Мирна несколько секунд тоскливо смотрела на закрытую дверь, но быстро встряхнулась и деловито полезла ко мне на кровать, отвлекая от размышлений.

– Да-а-а, сестрица, видок у тебя – краше в гроб кладут! – жизнеутверждающе сообщила она, махая рукой Нэнси, чтобы та не стояла столбом и устроилась рядом.

Я покачала головой. Наша средняя сестрица была неисправима, но я почему-то стала понимать ее лучше. Наверное, после удара о пол мысли в моей голове перегруппировались, как солдаты после сражения. Я четче, чем раньше, видела, как в душе назойливой, бойкой сестрицы ширится разлом, который мучит ее, заставляя бросаться на окружающих с большим ожесточением или веселиться все отчаяннее. И причина была вовсе не так проста, как могло показаться.

Наш батюшка мечтал, чтобы любимый, пусть и не родной, сын по достижении совершеннолетия женился на одной из нас, и поместье в Озерном крае перешло к нему безо всяких лишних вопросов. Настаивать он не хотел, втайне надеясь, что все обернется лучшим образом.

Но складывалось не слишком гладко. Нэнси и Витя были погодками, но общих интересов не имели. И хоть между ними установились теплые, доверительные отношения, о большем не могло идти и речи.

Я была ему младшей сестренкой. Он играл со мной, защищал. Я его просто обожала, но замуж за названного брата никогда не собиралась, потому как знала: сердце его целиком и без остатка принадлежит Мирне. В детстве они с сестрицей никогда не ладили, иногда даже дрались. Бедный Витя, которому деятельная сестричка просто не давала жить спокойно, никак не мог взять в толк, в чем же он так перед ней провинился.

Но время шло, и однажды Витя увидел в Мирне не ребенка, а молодую красивую девушку, отчаянно пытающуюся привлечь его внимание. И понеслось...

Они донимали друг друга бесконечными остротами, часто пропадали где-то вдвоем, а потом возвращались по одному с жутко таинственным видом. Я была не такой уже маленькой, чтобы не знать, куда они ходили и чем там занимались. И порой завидовала, слушая, как Мирна с Нэнси, глупо хихикая, обсуждали первый и да-а-алеко не последний поцелуй под заморским цветочным деревом в саду.

Наше семейство не могло нарадоваться и ждало того момента, когда они наконец объявят о помолвке.

Но тяжелые для царства времена окончились, и матушка повезла нас на зимний сезон в столичный Софийский град. Повзрослевшая Мирна за пару спокойных лет в Озерном крае отвыкла от жизни в стольном граде и была просто ослеплена блеском двора, вниманием богатых и знатных кавалеров. Она чувствовала, что красива, желанна, может запросто выйти замуж за князя царской крови или за заморского посла.

Видя, что у Мирны на уме одни наряды да кавалеры, Витя замкнулся в себе, с головой ушел в службу и старался реже бывать в имении, обитая в офицерской квартирке. Не хотел, дурак, мешать Мирне выбрать то, что было бы ей больше по душе.

Сестрица, уловив перемену и видя подчеркнутое безразличие к своей персоне, растерялась. Ее рвало на части, в душе бушевали противоречивые желания. Мирне предстояло сделать выбор между сердцем и тщеславием, и чем больше она с этим затягивала, тем несчастнее становилась.

Мы с Нэнси понимали, но ничем помочь не могли. Это должно было стать только ее решением.

Глава 6

*«...Служащему пред лицом начальственным
вид надобно иметь лихой и придурковатый,
дабы разумением своим не смутит начальство...»*

...из записок царя-Реформатора

Я решила поговорить с царевичем.

Мое состояние вполне позволяло долгие пешие прогулки, чем и следовало воспользоваться. Возможно, это была не самая блестящая идея, но я считала необходимым объясниться.

Где искать Его Высочество в обширных царских палатах было загадкой. Да и что я стану делать, когда царевич обнаружится в компании друзей, бутылки или, еще хуже, девицы, тоже было не совсем понятно. Но я на то и я, чтобы следовать плану, даже если он совсем... непродуманный.

О чем я собиралась разговаривать с Его Высочеством, мне тоже не совсем было понятно. Оставалось надеяться, что ответ найдется в процессе решения самой задачки.

Итак, я искала царевича.

Исследование таких мест, как библиотека, малая столовая, ближайшие коридоры (я даже в окно на оранжерею глянула) желаемого результата не принесли, а значит, мне предстояло вломиться в личные покои младшего царевича без приглашения и уж тем более без сопровождающих.

Скандал, однако. Если меня кто приметит, вне всякого сомнения, решит, что я желаю женить на себе Его Высочество любым возможным способом.

Потоптавшись под дверями, я криво улыбнулась стоявшим по сторонам от двери гвардейцам, те изображали мебель и деланно не обращали на меня ни малейшего внимания. Как пить дать – брату донесут. Но это будет уже после того, как я получу ответы на вопросы.

Решительно толкнув дверь, я вошла. И тут же остановилась. Его Высочество медленно оторвался от книги и поднял на меня глаза.

Я ступевалась. Все мысли кроме: «А-а-а-а, ну и что я здесь забыла?!» благополучно покинули мою голову, как матросы – тонущий корабль.

Стоило признать, «домашний» вид царевича меня несколько... озадачил. Не знаю, что я ожидала увидеть, но уж точно не это. Его Высочество уютно устроился в большом кресле, неспешно пролистывая устрашающих размеров фолиант. Волосы царевича были взъерошены, на носу очки. Никто из придворных сплетников не упоминал, что у Его Высочества плохое зрение. Ну, может, потому что никто и никогда не видел царевича с книгой в руках.

– Я, кажется, велел никого сюда не впускать! – устав ожидать от меня хоть каких-нибудь признаков жизни и сознания, сообщил Его Высочество.

Я постаралась изобразить улыбку.

– Мне об этом на входе не сказали.

– Весьма... ясно, – царевич захлопнул книгу и поднялся с кресла. – Так чему обязан... вашим визитом?

– У меня... эм, есть вопросы, на которые... – я почти испуганно наблюдала, как царевич медленно кладет на стол фолиант, потом очки, потом так же неспешно идет ко мне. – На которые бы мне хотелось получить ответы! – добралась я наконец до конца мысли, во все глаза глядя на Его Высочество. Он успел подойти и возвышался надо мной на непростительно близком расстоянии.

– Вопрос? И ради этого вы пришли в мои личные покои? Вам не кажется это несколько... неосмотрительным и выходящим за рамки приличий?

– Я подумала, что Ваше Высочество не оскорбит... ответный визит.

Вам можно в мои покои как к себе домой вламываться, а мне, значит, – нет? Потерпите!

– А если бы я здесь был, к примеру, с девицей?

Я невольно фыркнула.

– Слишком мала вероятность!

– На что вы намекаете? – Его Высочество прожег меня недовольным взглядом.

– Да болтают... всякое, – я очаровательно улыбнулась.

Часть меня уже вовсю пророчила неприятности.

– Да уж, вы правы. Говорят также, что княжна Луговская весьма пренебрежительно относится к правилам хорошего тона и светским... условностям, – Его Высочество сопроводил свои оскорбительные слова действием, также весьма оскорбительным, то есть надежно прижал меня к стене.

От неожиданности я на несколько мгновений потеряла дар речи.

– Да как вы смеете?! – старательно пытаясь, я попыталась отодвинуть от себя царскую особу. Хоть Его Высочество и не отличался особой статью, проще было передвинуть матушкин гардеробный шкаф, чем сухощавого и легкого на вид царевича.

Окончательно выдохшись, я попыталась сползти по стеночке в благородный обморок. Но выпускать меня из рук Его Высочество явно не собирался, и мы продолжали стоять в обнимку, что было весьма и весьма... неприличным.

При совсем уж, хм... близком изучении выяснилось, что ростом я прихожусь где-то по венценосное ухо и вообще весьма уютно себя чувствую в...

О чем я?!

– Отпустите меня немедленно, – постаравшись вложить в голос как можно больше непреклонности, процедила я.

– А вы разве не за этим сюда пришли? – озорно поинтересовался Его Высочество. Похоже, он искренне наслаждался ситуацией.

– Я пришла за ответами! – резко сообщила я, глядя в сторону.

– Так я могу их дать и в практическом аспекте...

Договорить царевичу не удалось. Окончательно обозлившись, я сильно толкнула его в грудь, заставляя отступить на полшага.

– Я знаю, откуда дети берутся!

Ой, не стоило сие говорить. Под насмешливым взглядом синих глаз царевича я продолжила уже с меньшим запалом:

– И пояснения мне не нужны. А вот у вас, Ваше Высочество, их никогда не будет, ежели еще раз хоть дернетесь в мою сторону!

Я нагнулась и вытащила из ножен на ноге внушительного вида тесак. Со шпагой по палатам никто бы бегать не позволил, приходилось изобретать окольные пути. Батюшка с детства втолковывал дочерям, что лучше забыть дома голову или платье, чем надежный кинжал.

– О чем вы, княжна. Опомнитесь, у меня и в мыслях не было, – от души насмехаясь, сообщил Его Высочество, заинтересованно изучая клинок, заботливо подsunутый под нос.

Предмет гордости лучшего кузнеца Южного града имел простенькую рукоять, неприятный вид, но при этом просто идеальную балансировку. В броске мог перерезать нить для вышивания. Мы с Мирной проверяли. Для фехтования он был коротковат, но тоже вполне годился. Идеальное оружие.

От изучения шедевра кузнечного дела нас с Его Высочеством отвлекли громкие голоса за дверью. Царевич сквозь зубы помянул лешего и еще парочку народных любимцев, обреченно покосился на дверь, на меня... Я недовольно зыркнула в ответ.

Его Высочество тяжело вздохнул. Становилось понятно: мы находимся на грани катастрофы. За дверью голос главы Царской Тайной канцелярии, Феропонт Георгиевич Елагин, громкогласно требовал у стоящих насмерть гвардейцев пропустить его в покои царевича.

Ой, кстати, а почему они меня пропустили-то? Я с большим подозрением уставилась на Его Высочество, но он этого даже не заметил. Схватив меня за руку, царевич рванул в сторону опочивальни. По инерции пробежав за ним несколько шагов, в дверях я застряла намертво. Даже за косяк уцепилась для надежности. Никакие силы не смогу меня заставить туда войти! Там к царевичу Тайная канцелярия ломится почти полным составом, а он меня в опочивальню тянет! Совсем сбре... Не подумал.

Словно проследившая ход моих мыслей, Его Высочество презрительно фыркнул и, выпустив мою руку, принялся шарить у дальней стены. Нажал на что-то, и в резных деревянных панелях открылась небольшая дверка.

– Сюда бегом, – коротко приказал царевич не оборачиваясь.

Сжимая в руке кинжал, я торопливо пересекла опочивальню и нырнула в проход. Царевич шагнул следом, закрывая дверцу за секунду до того, как в покоях стало очень и очень людно.

– Кажется, все... – порывисто выдохнула я, но закончить мысль не сумела – ладонь его Высочества запечатала мне рот.

– Можно вести себя тише? – недовольно пробурчал царевич, увлекая меня за собой.

Воздух был спертый, в крошечной тьме невозможно было что-либо разобрать. Как ориентировался царевич, осталось для меня загадкой. Возможно, еще ребенком, Его Высочество облазил здесь все сверху донизу. Мы с сестрами, к примеру, нашли с дюжину таких ходов, когда жили при дворе, но этот стал для меня новостью. И, при некотором размышлении, весьма приятной.

Высочив на свет божий из-за каких-то дряхлых часов, мы с царевичем воровато огляделись. Кроме двух слуг с кухни в заляпанных фартуках в коридоре никого не было.

Подождите!

Какие-такие слуги?! В крыло, где обитает царская семья, в подобном виде не допускают...

Два угрюмых мужика неспешно приближались к нам, и мне почему-то казалось, что у них не самые добрые намерения.

Вот леший, говорил же Витенька по палатам одной не гулять...

Ну так я и не одна, я с царевичем... Еще хуже! Нас ведь обоих теперь... того.

Ладно. Я крепче сжала кинжал и заступила вперед, частично закрывая царевича собой. Пользы от Его Высочества в драке не будет. Хоть бы под ногами не путался.

Один из добрых молодцев (тот, что повыше и с ножичком) был уже совсем рядом. Он замахнулся, и я поспешно отшатнулась, избегая удара. Вот здоровый лоб попался! Парирую я, либо кисть бы мне вывихнул, либо вовсе...

Принять по касательной, спустить по лезвию силу удара... Я вас умоляю, с ложкой против кочерги такое не срабатывает. Спускай не спускай, у нас разная статья, прямо скажем.

Итак, дела наши печальны, одного я еще удержу на расстоянии, но двоих...

– Берегись!

Я машинально отпрянула. Мимо меня с атакующим «ку-ку» рухнули на голову верзиле старинные напольные часы. Его напарник, скучающий в отдалении, на мгновение озадачился, что дало мне необходимое время. Прыгнув вперед, я от всей души саданула убийца коленом по ноге и рукоятку кинжала по темечку.

Отдышавшись, я настороженно попинала туфелькой бесчувственное тело, молча упавшее к моим ногам, и повернулась к Его Высочеству.

– Я думал, они упадут... отвлекут немного, а они его, кажется... убили, – растерянно развел руками царевич, почти испуганно глядя на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.